

Административное и муниципальное право

Правильная ссылка на статью:

Асадов Р.Б. Манипулятивные речевые стратегии лидеров общественного мнения в структуре состава вербальных преступлений // Административное и муниципальное право. 2025. № 6. DOI: 10.7256/2454-0595.2025.6.76890 EDN: DQEFGE URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76890

Манипулятивные речевые стратегии лидеров общественного мнения в структуре состава вербальных преступлений

Асадов Раму Бекжанович

старший преподаватель; Юридический институт; Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
главный редактор; Диалог (www.npzhdialog.ru)

600026, Россия, Владимирская обл., г. Владимир, ул. Горького, д. 87

✉ asadov@npzhdialog.ru

[Статья из рубрики "Актуальная проблема"](#)

DOI:

10.7256/2454-0595.2025.6.76890

EDN:

DQEFGE

Дата направления статьи в редакцию:

20-11-2025

Дата публикации:

27-11-2025

Аннотация: Предметом исследования выступают манипулятивные речевые стратегии лидеров общественного мнения в цифровой среде (прежде всего инфлюенсеров и блогеров), рассматриваемые в контексте их возможной трансформации в вербальные преступления. Анализируется не манипуляция как таковая, а те формы речевого воздействия, которые при определенных условиях могут приобретать уголовно-правовое значение: публичные призывы, оправдание и романтизация насилия, распространение заведомо ложных сведений, десакрализация религиозных объектов, нормализация вражды и дискриминации. Особое внимание уделяется тому, каким образом манипулятивные стратегии «встраиваются» в элементы состава преступления – объект, объективную сторону, субъективную сторону и характеристику субъекта, – и как статус

лидера общественного мнения усиливает общественную опасность соответствующих высказываний в условиях блогосферы и сетевой массовой коммуникации. Методологическую основу исследования составляют междисциплинарный подход, сочетание догматического анализа уголовного закона, юрислингвистического и дискурсивного анализа речевых практик инфлюенсеров, а также анализ российской судебной практики и практики Европейского суда по правам человека по делам о вербальных преступлениях. Научная новизна работы состоит в том, что манипулятивные речевые стратегии лидеров общественного мнения предлагается рассматривать не как психологический «фон» коммуникации, а как структурный элемент состава вербального преступления, влияющий на объект посягательства, объективную сторону, характеристику субъекта и субъективную сторону. Обосновывается трехуровневая модель уголовно-правовой оценки манипулятивных высказываний (содержательно-диспозитивный, контекстно-коммуникативный и результативно-оценочный уровни), адаптированная к специфике инфлюенсеров и блогосферы. Сформулированы критерии разграничения допустимой манипуляции и уголовно наказуемого речевого деяния с учетом российского правоприменения и практики Европейского суда по правам человека. Делается вывод о необходимости учитывать коммуникативный статус лидера мнений и используемые им стратегии влияния при решении вопросов о наличии умысла и степени общественной опасности, а также о целесообразности более тесного взаимодействия уголовно-правовой доктрины и судебной лингвистики при квалификации высказываний в цифровой среде.

Ключевые слова:

манипулятивные речевые стратегии, лидеры общественного мнения, инфлюенсеры, блогосфера, вербальные преступления, уголовно-правовая оценка, свобода выражения мнения, судебная лингвистика, суд, экстремистские высказывания

Введение

В последние годы коммуникационный ландшафт в России и в мире заметно изменился: привычная связка «политик — журналист — аудитория» больше не исчерпывает все каналы влияния на массовое сознание. Наряду с традиционными СМИ действуют блогеры, стримеры, администраторы телеграм-каналов и другие лидеры общественного мнения, формирующие для подписчиков не только информационную повестку, но и способы ее «прочтения». В этой мозаике голосов именно манипулятивные речевые практики обеспечивают незаметный для адресата сдвиг акцентов: от отбора фактов до грамматически и интонационно «упакованных» оценок. Как следует из анализа, проведенного О. Н. Паршиной, российский политический дискурс строится на устойчивом наборе речевых тактик — смягчении конфликтных тем, конструировании образа «общего врага», апелляции к неопределенному большинству и др., — что позволяет квалифицировать манипуляцию как системную, а не эпизодическую [\[1\]](#). Анализ англоязычного медиапространства и российских СМИ подтверждает, что аналогичные приемы используются и в других информационных средах, что делает манипуляцию не исключением, а встроенным механизмом современной массовой коммуникации [\[2; 3\]](#).

Если раньше основной носитель подобных стратегий ассоциировался с профессиональными политиками и журналистами, то сегодня их функции во многом перехватывают инфлюенсеры. А. А. Ефанов характеризует инфлюенсера как особый тип

лидера общественного мнения, основанный не столько на институциональном статусе или экспертности, сколько на доверии аудитории к «своему» человеку, сопровождающему ее в повседневной цифровой реальности [4]. М. В. Соловьева, рассматривая блогосферу как новый канал массовой коммуникации, показывает, что подписчики воспринимают высказывания инфлюенсера не просто как информацию, а как образец интерпретации событий и модель поведения, что усиливает воздействие даже внешне «мягких» оценочных формулировок [5]. В этих условиях граница между частным высказыванием и общественно значимым влиянием размывается: личный блог превращается в площадку, где речевые решения автора могут запускать цепочки социально значимых последствий.

Юридическая наука и судебная лингвистика уже накопили заметный теоретический материал для описания таких ситуаций, но он сосредоточен преимущественно на классических категориях «вербальных преступлений». Е. В. Рылова предлагает рассматривать особую группу деяний, реализуемых преимущественно в словесной форме (клевета, заведомо ложное сообщение об акте терроризма, публичные призывы к экстремистской деятельности и др.), как самостоятельный пласт уголовно-правовых запретов, где ключевую роль играет содержание и коммуникативная направленность высказывания [6]. В. В. Макашова, развивая идею «речевого действия как правонарушения», подчеркивает, что юридическую значимость приобретают не любые слова, а те, которые выступают носителями определенного правового «диспозитива» — угрозы, побуждения, обещания, распространения вредоносного смысла и т. п. [7]. В судебном речеведении, концептуализированном в трудах Е. И. Галяшиной, эти подходы получают прикладное измерение: задача эксперта — установить, содержит ли конкретное высказывание признаки состава преступления, в том числе с учетом используемых манипулятивных стратегий [8].

На этом фоне закономерно возникает вопрос: каким образом манипулятивные речевые стратегии лидеров общественного мнения «встраиваются» в элементы состава преступления и когда их использование может переводить коммуникацию из зоны допустимого влияния в сферу уголовно наказуемого деяния. В практике уже обсуждаются и реализуются дела о высказываниях блогеров, связанных с экстремистской тематикой, оскорблением чувств верующих, распространением недостоверной информации о Вооруженных силах и иных социально чувствительных темах (*Анализ рисков привлечения блогеров к уголовной ответственности и предложения по их профилактике, недопущению.* URL: <https://legal.ludidela.ru/articles/analiz-riskov-privlecheniya-bloggerov-k-ugolovnoy-otvetstvennosti-i-predlozheniya-po-ikh-profilaktike/> (дата обращения: 21.11.2025); *Администратора Telegram-канала Moscow Calling приговорили к 6,5 года за фейки об армии.* URL: <https://tass.ru/proisshestviya/21548299> (дата обращения: 21.11.2025)). Однако чаще всего внимание правоприменителя сосредоточено на формальных признаках (публичность, наличие обращения к неопределенному кругу лиц, соответствие диспозиции конкретной статьи), а манипулятивный характер высказывания — выбор адресата, интонация, способ «упаковки» смысла — остается на периферии анализа. Цель настоящей статьи — показать, что без учета этих стратегий невозможно в полной мере оценить ни общественную опасность речевого действия лидера общественного мнения, ни особенности его субъективной стороны, и предложить подход к уголовно-правовой оценке манипулятивных речевых стратегий в структуре состава преступления.

Основная часть

1. Понятие манипуляции и манипулятивной речевой стратегии

В лингвистике манипуляция обычно описывается как скрытое воздействие на адресата, при котором говорящий стремится изменить представления, оценки или поведение реципиента так, чтобы тот воспринимал это как собственный, самостоятельный выбор. О. Н. Паршина, анализируя речевое поведение российских политиков, показывает, что манипуляция реализуется через отбор и расстановку фактов, их оценочную «подсветку», работу с эмоциональными маркерами и грамматическими средствами, создающими иллюзию консенсуса и «очевидности» выводов [1]. Н. В. Сальникова и Д. Ш. Магомедова подчеркивают, что для манипуляции принципиальны именно скрытый характер воздействия и отсутствие у адресата осознания того, что им управляют; при этом манипулятивное сообщение может внешне выглядеть как нейтральная информация или даже заботливый совет [3]. В массовой коммуникации такой формат воздействия особенно эффективен: аудитория не фиксирует сам факт давления и, следовательно, не активирует защитные механизмы критического восприятия.

На этом фоне понятие манипулятивной речевой стратегии позволяет увидеть не отдельный прием, а целостную схему разворачивания воздействия во времени. А. Б. Недзельская и О. О. Борискина, описывая англоязычное медиапространство, показывают, что манипуляция строится вокруг устойчивых стратегий — драматизации, нормализации, демонизации, персонализации и др., каждая из которых включает совокупность тактик: выбор фрейма, работа с пресуппозициями, импликациями, эвфемизмами, модальными конструкциями [2]. О. Н. Паршина описывает аналогичную стратегическую организацию в российском политическом дискурсе: за внешне спонтанной речью скрывается последовательный набор шагов — от постановки проблемы в нужных координатах до предложения «единственно разумного» решения [1]. В философско-коммуникативном ключе Н. Р. Красовская, анализируя информационную кампанию вокруг Дональда Трампа, показывает, что выбор стратегий и тактик манипуляции определяет, какие аспекты реальности вообще становятся видимыми для аудитории, а какие систематически вытесняются [9].

Для юридической науки важен вопрос, когда такая манипуляция остается в зоне допустимого влияния, а когда приобретает правовое значение. М. И. Парасуцкая ставит проблему «юридизации речевой манипуляции и суггестии», указывая, что не всякое скрытое воздействие может и должно становиться предметом уголовно-правовой оценки [10]. Предлагается исходить из трех ключевых критериев: во-первых, направленность воздействия на охраняемый уголовным законом объект (общественная безопасность, основы конституционного строя, честь и достоинство личности и т. д.); во-вторых, наличие в высказывании правозначимого «диспозитива» — угрозы, публичного призыва, оправдания, заведомо ложного сообщения и пр.; в-третьих, способность речи при обычном ходе событий вызвать общественно опасные последствия либо создать реальную угрозу их наступления. Эти критерии позволяют отделить манипуляцию как общекоммуникативный феномен (например, маркетинговые приемы, мягкое политическое убеждение) от манипуляции, потенциально образующей состав преступления, предусмотренный, в частности, ст. 280, 282, 205.2, 207.3 УК РФ. Здесь лингвистическое описание должно «сцепляться» с конструкцией состава преступления, а не существовать параллельно ей.

Особое значение в этой связи приобретает фигура лидера общественного мнения. В классической социологии и теории коммуникации лидер мнений — это посредник между

профессиональными источниками информации и широкой аудиторией, который «переводит» сложные сообщения на язык повседневного опыта. В современных цифровых условиях эта роль воплощается, прежде всего, в инфлюенсере. А. А. Ефанов определяет инфлюенсера как особый тип лидера общественного мнения, отличающийся устойчивым личностным брендом, высокой степенью вовлеченности подписчиков и постоянным присутствием в их информационном поле [4]. М. В. Соловьева показывает, что подписчики воспринимают такого лидера не просто как источник сведений, а как фигуру идентификации, чьи оценки и модели поведения образуют своего рода «матрицу» для интерпретации текущих событий [5]. Это означает, что манипулятивная стратегия инфлюенсера изначально опирается на доверие и эмоциональную близость, а потому ее эффект зачастую выше, чем у традиционных политических или медийных сообщений.

Блогосфера в этом смысле демонстрирует собственный набор манипулятивных технологий, отличающихся от классических медийных форматов более неформальным тоном, использованием юмора, мемов, сторителлинга и игровых механик. В исследовании приемов манипулирования общественным мнением при освещении политических событий радиостанциями России и Германии Р. П. Баканов и К. А. Нурутдинова показывают, что даже в «старых» медиа ключевую роль играют скрытые оценочные рамки и способы организации повестки дня [11]. В блогосфере, как отмечается в аналитических работах о манипулятивных технологиях, эти приемы усиливаются за счет эффекта регулярного контакта и визуальной составляющей: зритель привыкает к личности блогера и воспринимает его высказывания как часть повседневного общения, а не как официальное заявление (*Манипулятивные технологии в блогосфере. URL: <https://lawinrussia.ru/manipulyativnye-tehnologii-v-blogosfere/> (дата обращения: 21.11.2025)*). Именно поэтому, когда подобные высказывания затрагивают темы, находящиеся в сфере действия уголовно-правовых запретов (экстремизм, терроризм, фейки об армии, возбуждение вражды и т. п.), вопрос о квалификации должен учитывать не только «буквальный текст», но и используемую манипулятивную стратегию, структуру аудитории, формат площадки.

2. Манипулятивные стратегии в структуре состава вербальных преступлений

В юридико-лингвистической литературе все более устойчивым становится взгляд на «вербальные преступления» как на особый массив деяний, где общественная опасность воплощена в слове, а не в физическом действии. Е. В. Рылова, анализируя положения российского уголовного законодательства, показывает, что такие составы строятся вокруг речевого акта: адресованного неопределенному кругу лиц призыва, угрозы, распространения сведений или их публичного одобрения [6]. В электронном учебном пособии А. А. Гогина и О. Е. Репетевой речь рассматривается как самостоятельный объект правовой охраны: вербальные правонарушения наносят существенный вред как индивидуальным благам (чести, достоинству, безопасности личности), так и публичным интересам (общественной безопасности, основам конституционного строя) [12, с. 5–12]. В. В. Макашова предлагает рассматривать «речевое действие» как правонарушение именно тогда, когда оно содержит правозначимый «диспозитив» — угрозу, призыв, оправдание, распространение вредоносного смысла и т. п. [7]. На этом фоне манипулятивная стратегия выступает не внешним «оформлением» высказывания, а способом реализации объективной стороны состава преступления: именно через выбор фрейма, адресата и интонации речь превращается в юридически значимое деяние.

Если рассматривать элементы состава преступления, то, во-первых, манипулятивные

стратегии оказывают влияние на объект посягательства. В делах о публичных призывах к экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ), оправдании терроризма (ст. 205.2 УК РФ), возбуждении ненависти (ранее — ст. 282 УК РФ) или распространении «фейков» об армии (ст. 207.3 УК РФ) объектом выступают общественная безопасность, конституционный строй, мир и безопасность человечества, основы межнационального и межконфессионального согласия. Как показывает практика по «делу Соколовского», оскорбление чувств верующих (ст. 148 УК РФ) рассматривается судом не только как затрагивающее отдельного верующего, но и как посягательство на общественный порядок в религиозной сфере («*Sokolovsky! Ничего святого*». Приговор Верх-Исетского районного суда Екатеринбурга. URL: <https://zona.media/article/2017/05/17/sokolovsky-prigovor> (дата обращения: 21.11.2025)). В этом случае манипулятивная стратегия строилась на провокационном совмещении игрового формата (ловля покемонов) с сакральным пространством и последующим ироничным комментированием, что усилило восприятие речевого действия как демонстративного пренебрежения религиозными ценностями. Аналогично, в деле Е. Жукова, осужденного по ч. 2 ст. 280 УК РФ за видеоролики с призывами к насильственным действиям, суд оценивал не только буквальное содержание отдельных фраз, но и общий настрой и целевую направленность видеоблогов, адресованных неопределенному кругу пользователей (Кунцевский суд вынес приговор в отношении Егора Жукова. URL: <https://m.mos-gorsud.ru/rs/kuncevskij/news/kuntsevskij-sud-vynes-prigovor-v-otnoshenii-egora-zhukova> (дата обращения: 21.11.2025)). Здесь манипулятивная стратегия «рационализированного протеста» (апелляция к «разумному сопротивлению», логике борьбы «за будущее») служила формой реализации объективной стороны преступления.

Во-вторых, манипулятивные приемы влияют на восприятие объективной стороны состава: формы деяния, способа его совершения, степени «публичности». Для квалификации вербального деяния важны не только ключевые лексемы («убью», «взорвем» и т. п.), но и коммуникативный формат: шутка, песня, мем, гипербола, условное высказывание [13; 14]. В «деле Хованского» оправдание террористического акта было инкриминировано в связи с исполнением песни о захвате заложников в мюзикле «Норд-Ост»; дискуссия в экспертном и общественном поле во многом вращалась вокруг вопроса: где проходит граница между провокативной сатирой и юридически значимым оправданием терроризма (Суд прекратил уголовное дело Юрия Хованского. URL: <https://pravo.ru/news/242032/> (дата обращения: 21.11.2025)). Похожим образом в приговорах по делам об экстремистских высказываниях и «фейках» суды оценивают не только текст сообщения, но и формат площадки (стрим, канал, прямой эфир), регулярность коммуникации, реакцию аудитории (Блогеру Анне Бажутовой провозглашен приговор столичным судом. URL: <https://mks.mos-gorsud.ru/rs/ostankinskij/news/blogeru-anne-bazhutovoj-provozglashen-prigovor-stolichnym-sudom> (дата обращения: 21.11.2025)). Тем самым манипулятивная стратегия — использование иронии, сторителлинга, имитации «чужой речи», драматизации или нормализации насилия — фактически становится элементом способа совершения преступления и участвует в формировании объективной стороны состава.

Наконец, фигура лидера общественного мнения особенно важна для анализа субъективной стороны и характеристик субъекта преступления. Инфлюенсер, обладающий устойчивой аудиторией, как правило, осознает масштаб своего влияния: он системно работает с повесткой, выстраивает коммуникацию в режиме «мы» и использует приемы поддержания вовлеченности [4; 5]. В приговорах по делам Е. Жукова, А. Бажутовой, администратора канала Moscow Calling суды специально фиксируют не только

факт публикации, но и количество подписчиков, охват, регулярный характер размещения материалов, а также назначают дополнительное наказание в виде запрета на администрирование интернет-ресурсов. Это косвенно свидетельствует о признании особого статуса субъекта, который сочетает свободу выражения мнения с повышенной ответственностью за предсказуемые последствия своего речевого поведения. В таком контексте манипулятивная стратегия — осознанное конструирование сообщений с учетом ожиданий и уязвимостей аудитории — может рассматриваться как показатель направленности умысла: инфлюенсер не просто «делится мнением», а планомерно ведет подписчиков к определенной оценке и, потенциально, к определенным действиям.

Для правоприменения это означает необходимость более тонкого взаимодействия уголовно-правового анализа и судебно-лингвистической экспертизы. В исследованиях В. Д. Никишина криминогенная речевая агрессия рассматривается через призму судебной экспертизы экстремистских и террористических материалов: предлагается выделять типовые комплексы признаков, позволяющих диагностировать опасное речевое поведение [\[15\]](#). М. Л. Подкатилина, исследуя судебную лингвистическую экспертизу экстремистских материалов, подчеркивает, что эксперт не ограничивается ответом на вопрос «есть ли призывы?», а должен описывать структуру текста, скрытые и явные адресаты, приемы легитимации насилия, в том числе манипулятивные [\[16\]](#). В концепции судебного речеведения Е. И. Галяшиной экспертиза как раз и призвана «сшить» языковую и правовую оптику: перевести сложные манипулятивные стратегии в описательные модели, пригодные для квалификации по конкретной норме УК РФ [\[8\]](#). Для дел с участием блогеров и иных лидеров общественного мнения это особенно важно: без подобной экспертизы суд рискует либо криминализировать резкую, но все же законную критику, либо, напротив, не заметить опасного манипулятивного воздействия, замаскированного под «остроумную шутку» или «личное мнение».

Выделим ряд типичных стратегий речевого влияния, которые особенно заметны в блогосфере. Во-первых, это нормализация социально рискованных практик: поведение, ранее маркированное как маргинальное или табуированное, демонстрируется как привычная, «обычная» часть жизни аудитории. Во-вторых, драматизация и катастрофизация, когда инфлюенсер описывает политические или общественные события в терминологии «борьбы», «катастрофы», «последнего шанса», усиливая эмоциональное напряжение и снижая порог готовности к радикальным действиям. В-третьих, персонализация и конфликтный фрейминг, сводящие сложные социальные процессы к противостоянию конкретных фигур («мы» против «них»). Широко используется игровая рамка: серьезные темы упаковываются в формат шутки, челленджа, стрима или мемов, что снижает критичность восприятия и размывает ощущение юридической значимости происходящего [\[11; 4\]](#). Для лидеров общественного мнения эти приемы особенно эффективны, поскольку опираются на заранее сформированное доверие и привычку аудитории воспринимать их сообщения как дружеское общение, а не как публичное заявление.

Дело Руслана Соколовского наглядно демонстрирует сочетание игровой рамки и стратегии демонстративной десакрализации. Формально блогер «играет» — ловит виртуальных персонажей в храме, комментирует происходящее в ироничной манере, выстраивает коммуникацию в стилистике подросткового юмора и интернет-мемов. Однако именно эта смесь легкого, почти бытового тона и сознательного нарушения религиозного табу была воспринята судом как посягательство не только на чувства верующих, но и на общественный порядок в религиозной сфере (ст. 148 УК РФ). Игровая подача здесь не отменяет оскорбительного содержания, а, напротив, усиливает его: сакральный объект

превращается в декорацию для развлечения, а ироничные реплики закрепляют образ религии как чего-то устаревшего и нелепого. С точки зрения структуры состава преступления, такой тип высказывания показывает, что форма реализации объективной стороны (провокационный перформанс, снятый на видео и распространенный в сети) не может анализироваться в отрыве от приемов воздействия: именно выбор формата «развлекательного контента» делает действие массово тиражируемым и усиливает его общественную опасность.

Иная ситуация наблюдается в деле Егора Жукова, осужденного по ч. 2 ст. 280 УК РФ за видеоролики с призывами к насильственным действиям. Здесь доминируют стратегии псевдорационализации и «коллективного мы»: блогер выстраивает монолог как последовательное, логически оформленное рассуждение о политической ситуации, апеллирует к разуму аудитории, использует лексику ответственности, будущего, гражданской позиции, создает образ «мыслящего лидера». При этом отдельные фрагменты высказываний интерпретируются судом как призывы к насилию, хотя в общем фрейме текста они подаются как логический вывод из описываемой политической реальности. В таком случае манипулятивный потенциал проявляется в том, что адресату предлагается пройти вместе с автором путь от «объяснения происходящего» к готовности рассматривать насильственные действия как оправданный способ защиты ценностей. Для оценки субъективной стороны здесь важно учитывать не только наличие отдельных императивных формул, но и общую стратегию выстраивания доверительного, «рационального» диалога, ориентированного на мобилизацию аудитории.

Спорным примером с точки зрения границы между допустимой провокацией и уголовно наказуемым оправданием терроризма стало дело Юрия Хованского. Предметом обвинения стала песня, содержащая циничные и шокирующие высказывания о захвате заложников в мюзикле «Норд-Ост»; в дальнейшем уголовное дело было прекращено. Здесь ключевым оказывается прием гиперболизированной черной сатиры, работающей на эффект «шока» и намеренного нарушения моральных норм. С точки зрения уголовного права вопрос состоит в том, интерпретировать ли такую сатиру как форму оправдания терроризма (ст. 205.2 УК РФ) или как крайне циничное, но все же художественно-провокативное высказывание. Исследования М. А. Осадчего и М. Л. Подкатиловой показывают, что для ответственного решения подобных кейсов недостаточно фиксировать наличие «опасных» лексем; необходимо учитывать жанр, предполагаемого адресата, степень «серьезности» коммуникативного намерения и то, как это считается типичным представителем аудитории [\[13; 14; 16\]](#). В противном случае возникает риск либо неоправданной криминализации художественной провокации, либо, напротив, игнорирования текстов, реально легитимирующих насилие.

Особый пласт практики касается информационных кампаний вокруг событий, связанных с Вооруженными силами и специальной военной операцией. В приговоре блогеру Анне Бажутовой, а также в деле администратора Telegram-канала Moscow Calling, осужденного по ст. 207.3 УК РФ за распространение недостоверной информации об армии, суды фиксируют не только сам факт публикации сведений, признанных ложными, но и устойчивый характер информационной деятельности обвиняемых, ориентированной на широкую аудиторию. Для таких кейсов характерны стратегии апелляции к «инсайдерскому знанию» («у меня есть свои источники»), эмоциональной драматизации («масштаб катастрофы замалчивается») и противопоставления «правды снизу» официальной позиции. С учетом того, что объектом посягательства здесь является общественная безопасность и доверие к функционированию государственных институтов, манипулятивный характер речевого поведения напрямую влияет на оценку

общественной опасности: чем сильнее автор подчеркивает свою осведомленность и «альтернативность», тем вероятнее, что его сообщения будут восприняты как руководство к изменению поведения (от отказа исполнять обязанности до участия в протестных акциях). Однако вместе с тем возникает вопрос о пределах свободы выражения мнения и критики официальной информации, который требует не только правовой, но и этико-коммуникативной рефлексии.

3. Манипулятивные стратегии и элементы состава преступления: объект и объективная сторона

Для более точной уголовно-правовой оценки манипулятивного речевого поведения лидеров общественного мнения важно уйти от общего описания «влияния на сознание» и увязать используемые стратегии с конкретными элементами состава преступления. Исследования В. В. Макашовой и М. И. Парасуцкой позволяют предложить рабочую схему: во-первых, манипуляция может быть направлена на различные объекты уголовно-правовой охраны (общественная безопасность, основы конституционного строя, честь и достоинство, межнациональное согласие и др.); во-вторых, она определяет форму и способ совершения деяния (через какую речевую конструкцию, жанр, формат осуществляется воздействие); в-третьих, она влияет на оценку реальной способности высказывания вызвать общественно опасные последствия [\[7; 10\]](#). В таком подходе манипулятивная стратегия перестает быть «психологическим фоном» и рассматривается как элемент объективной стороны: через нее проявляется, на что именно посягает высказывание и каким образом это делается.

На уровне объекта посягательства манипулятивные стратегии позволяют «перенастроить» восприятие охраняемых уголовным законом благ. В делах об экстремистских высказываниях и терроризме объектом выступают основы конституционного строя, общественная безопасность, межнациональный мир; в делах об оскорблении чувств верующих — общественный порядок в религиозной сфере и право граждан на уважение их религиозных убеждений. Е. В. Рылова подчеркивает, что вербальные преступления отличаются тем, что вред (или угроза вреда) причиняется не физическим воздействием, а через изменение коммуникативной среды: в ней закрепляются образы врага, допустимости насилия, второсортности «чужих» групп [\[6\]](#). В. Д. Никишин, анализируя материалы экстремистско-террористической направленности, показывает, что манипулятивные приемы — от драматизации угроз до романтизации насилия — служат «мостом» между идеологическими установками и реальными действиями адресатов, разрушая барьер недопустимости применения силы [\[15\]](#). Таким образом, объектом посягательства становится не только «стабильность» общественных отношений как таковая, но и способность общества сопротивляться насаждаемым моделям насильственного поведения.

Объективная сторона вербальных составов традиционно описывается через форму деяния (призыв, оправдание, распространение сведений, оскорбление и т. п.), его публичность, адресата и последствия. В современной практике этого набора формальных критериев недостаточно: одни и те же ключевые слова («убить», «взорвать», «уничтожить») могут звучать как гиперболическая шутка, художественная метафора, дословная цитата или реальный призыв [\[13; 14; 16\]](#). Манипулятивные стратегии позволяют «маскировать» правозначимый диспозитив под внешний формат юмора, музыкального контента, игрового взаимодействия, в то время как для части аудитории сообщение воспринимается как серьезное руководство к действию. С этой точки зрения выбор жанра и тональности — стеб, сторителлинг, псевдорациональное рассуждение —

становится существенным элементом способа совершения преступления и должен описываться в рамках объективной стороны, а не сводиться к упоминанию лишь в заключении эксперта.

Показателен здесь опыт анализа информационного обеспечения выборов, предложенный Е. С. Кара-Мурзой. Исследуя президентскую кампанию 2018 г., она показывает, что манипулятивные технологии в электоральном дискурсе формируют для избирателя искаженное представление о конкуренции, значимости тех или иных проблем, допустимых сценариях политического поведения [\[17\]](#). Хотя большинство описываемых ею приемов реализуется в пределах административно- и информационно-правового поля, сама логика исследования важна для уголовного права: объектом воздействия становится не только конкретное благо (например, честность выборов), но и способность граждан формировать свободную волю на основе непредвзятой информации. Переноса эту логику на дела блогеров, можно говорить о том, что манипулятивные стратегии в публичной коммуникации способны деформировать процесс формирования общественного мнения по вопросам, имеющим значение для общественной безопасности, и тем самым усиливать общественную опасность вербального деяния.

4. Субъективная сторона и инфлюенсер как «усиленный» субъект вербальных преступлений

При рассмотрении вербальных составов именно субъективная сторона часто становится ключевой точкой спора: где проходит грань между неловкой формулировкой, провокационным художественным высказыванием и осознанным посягательством на объект уголовно-правовой охраны. В. В. Макашова справедливо отмечает, что речевое действие приобретает качество правонарушения не только в силу своего содержания, но и в силу направленности воли говорящего: он должен осознавать характер сообщения и предвидеть возможность наступления общественно опасных последствий [\[7\]](#). М. И. Парасуцкая, обсуждая юридизацию манипуляции и суггестии, подчеркивает, что скрытый характер воздействия усложняет доказывание умысла: манипулятор стремится оставить за собой пространство для интерпретации — «я только шутил», «это гипербола», «это цитата», — и тем самым снижает прозрачность своих намерений [\[10\]](#). В вербальных составах, связанных с экстремизмом, терроризмом или «фейками», вопрос об умысле неизбежно связан с тем, как автор понимает восприятие своего текста типичным адресатом, а не только с буквальным смыслом отдельных фраз.

Статус инфлюенсера радикально меняет масштаб этой оценки. А. А. Ефанов показывает, что инфлюенсер системно работает с аудиторией: он отслеживает охваты, реакцию подписчиков, адаптирует повестку под их ожидания, формирует устойчивый формат общения [\[4\]](#). М. В. Соловьева дополняет эту картину: для подписчиков лидер мнений становится фигурой идентификации, а его высказывания — привычной рамкой интерпретации текущих событий [\[5\]](#). Это означает, что инфлюенсер в обычном ходе своей деятельности не только знает количественные параметры охвата (просмотры, репосты, комментарии), но и представляет себе типичный образ своей аудитории, ее ценности и уязвимости. В таком контексте использовать, например, стратегию драматизации или нормализации насилия — это не абстрактный «выбор стиля», а сознательное конструирование сообщения для конкретной, заранее сформированной аудитории. С точки зрения уголовного права такая осведомленность усиливает вывод о наличии, по меньшей мере, косвенного умысла в ситуациях, когда текст несет очевидный риск нарушения охраняемых законом интересов.

Дополнительный аргумент в пользу повышенной ответственности инфлюенсеров дает сама практика управления правовыми рисками в публичной коммуникации. М. А. Осадчий, анализируя правовые риски вербального поведения, подчеркивает, что публичные коммуникаторы — политики, журналисты, PR-специалисты — постепенно вырабатывают «предчувствие» границ допустимого: они знают рискованные темы, маркированную лексику, конфликтные форматы и могут предвидеть возможные претензии со стороны правоохранительных органов ^[14]. В современной блогосфере аналогичные функции выполняют юридические консультации, медиаменеджеры, «памятки» для авторов, а также уже сложившаяся практика дел в отношении блогеров. Если инфлюенсер продолжает использовать очевидно конфликтные приемы — оправдательные высказывания о террористических актах, настойчивую драматизацию межнациональной розни, распространение непроверенных «инсайдов» о действиях армии — несмотря на широкую известность соответствующих уголовно-правовых запретов, это затрудняет аргументацию в пользу отсутствия умысла или неосведомленности о возможных последствиях.

В то же время чрезмерное «усиление» роли субъективной стороны чревато и обратной крайностью — соблазном выводить умысел исключительно из статуса автора («раз у него много подписчиков, значит, он точно хотел...»). Здесь важен баланс: заключение эксперта-лингвиста должно описывать, какие именно речевые приемы и стратегии используются, как они воздействуют на типичного адресата и какие выводы о коммуникативном намерении можно сделать на этой основе, но финальная оценка умысла остается за судом ^[8]. Одно и то же слово в разных контекстах (частный чат, закрытое сообщество, массовый канал блогера) имеет разный «вес», и поэтому при установлении субъективной стороны нельзя абстрагироваться от типа площадки и структуры аудитории ^[15]. Представляется, что оптимальный подход состоит не в формальном «признании инфлюенсера специальным субъектом» всех вербальных составов, а в учете его коммуникативного статуса как обстоятельства, влияющего на выводы о предвидении последствий и характере умысла.

Наконец, неопределенность границы между допустимой манипуляцией и уголовно наказуемым речевым воздействием неминуемо выводит дискуссию на уровень свободы выражения мнения. В делах блогеров — от Соколовского до Moscow Calling — защита регулярно апеллирует к праву на критику, сатиру, художественную провокацию, тогда как обвинение акцентирует общественную опасность последствий для религиозного мира, общественной безопасности, доверия к государственным институтам. В этой коллизии манипулятивные стратегии могут выполняться двояко: с одной стороны, они усиливают воздействие и, следовательно, общественную опасность; с другой — создают «зону неопределенности», позволяя автору ссылаться на юмор, гиперболу, игру. Отсюда — практическая необходимость более четких доктринальных критериев: когда игровая, сатирическая или псевдорациональная оболочка еще может рассматриваться как форма реализации свободы слова, а когда она становится техникой сокрытия умысла на посягательство на охраняемый уголовным законом объект.

5. Критерии разграничения допустимой манипуляции и уголовно наказуемого речевого деяния

Необходимость четких критериев разграничения допустимого манипулятивного влияния и уголовно наказуемого речевого деяния вытекает как из российской судебной практики по делам блогеров, так и из практики Европейского суда по правам человека. С одной стороны, чрезмерно широкое понимание «опасной» манипуляции ведет к

гипертрофированной криминализации острой критики, сатиры и политического протеста. С другой — чрезмерно узкий подход оставляет без правовой реакции высказывания, системно нормализующие насилие, вражду или оправдывающие террористические акты. Представляется, что разумный баланс возможен при использовании трех групп критериев. Во-первых, содержательно-диспозитивных: какое именно сообщение передается (оценка, призыв, оправдание, заведомо ложное утверждение) и в какой форме оно «упаковано». Во-вторых, контекстно-коммуникативных: кто говорит (статус лидера мнений), кому, где и в какой ситуации, какова структура и уязвимости аудитории, насколько выражено намерение побудить к действию. В-третьих, результативно-оценочных: насколько при обычном ходе событий высказывание способно вызвать общественно опасные последствия или создать реальную угрозу их наступления. Такая трехуровневая модель позволяет интегрировать лингвистическое описание манипуляции в структуру состава преступления, а не рассматривать ее как внешний «психологический фон».

Содержательно-диспозитивный уровень предполагает различие, по меньшей мере, трех типов речевого поведения. Первый — идеологическое или оценочное высказывание, даже резко критическое, но не содержащее оправдания насилия или прямого побуждения к нему. Второй — оправдание, апология или романтизация насилия и террористической деятельности, создающие для адресата образ насилия как допустимого, достойного подражания или героического поведения. Третий — прямой или замаскированный призыв к совершению конкретных противоправных действий. Российская доктрина вербальных преступлений фактически уже оперирует этой шкалой, выделяя призывы, угрозы, оправдание и пропаганду как различные формы реализации объективной стороны [\[6; 15\]](#).

Контекстно-коммуникативный уровень фокусируется на статусе автора и типе площадки. В делах о блогерах российские суды фактически учитывают, что лидер общественного мнения — это не «рядовой пользователь», а субъект, сознательно управляющий повесткой и вовлеченностью аудитории: приговоры Е. Жукову, А. Бажутовой, администратору Moscow Calling содержат указания на количество подписчиков, охват, регулярность публикаций и последующий запрет на администрирование интернет-ресурсов. В деле Леруа против Франции (*Leroi v. France*) суд допустил осуждение карикатуриста за рисунок, интерпретированный как одобрение терактов 11 сентября, учитывая близость по времени к событиям и политическую чувствительность региона (*Информация о постановлении ЕСПЧ от 2 октября 2008 г. по делу «Леруа (Leroi) против Франции» (жалоба № 36109/03) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2009. № 2*). Это демонстрирует важный для нашей темы принцип: чем очевиднее для автора масштаб и уязвимость аудитории, тем более весомым становится его коммуникативный статус при оценке субъективной стороны и общественной опасности высказывания. Для инфлюенсеров это означает, что ссылка на «частное мнение» или «узкий круг своих» при наличии сотен тысяч подписчиков выглядит значительно менее убедительно.

Результативно-оценочный уровень предполагает, что уголовно-правовая ответственность за манипулятивные высказывания должна наступать лишь тогда, когда можно обоснованно говорить о реальной угрозе охраняемым интересам, а не просто о «оскорбительности» или непопулярности мнения. В деле Хендисайд против Соединенного Королевства (*Handyside v. United Kingdom*) ЕСПЧ сформировал известный подход, согласно которому свобода выражения охватывает не только «безобидную» или нейтральную информацию, но и ту, которая «шокирует, оскорбляет или тревожит»

государство или какую-то часть общества (*URL: <https://european-court.org/ru/resheniya-evropejskogo-suda-na-russkom-yazyke/xandisajd-protiv-soedinennogo-korolevstva-postanovlenie-evropejskogo-suda/>* (дата обращения: 22.11.2025)). Анализ практики, посвященной «апологии терроризма», показывает, что проблема заключается в риске чрезмерной широты таких составов: если всякая позитивная оценка радикального движения автоматически криминализуется, свобода выражения утрачивает свое содержание [18]. Перенося эти выводы на российскую почву, представляется обоснованным исходить из презумпции: при сомнении в наличии реальной угрозы общественной безопасности приоритет должны получать неуголовные формы реакции (опровержение, гражданско-правовая защита, административные меры), тогда как уголовное преследование должно резервироваться за случаи, когда манипулятивная стратегия лидера общественного мнения предсказуемо способна вызвать насилие, массовые беспорядки, радикализацию или подрыв ключевых охраняемых законом ценностей.

С точки зрения следственной и прокурорской практики предложенные выше критерии могут быть оформлены как своеобразный алгоритм анализа речевого поведения лидера общественного мнения. На первом этапе необходима контентная реконструкция: выделение в высказываниях правозначимых диспозитивов (призывы, оправдание, заведомо ложные утверждения, угрозы), а также основных приемов воздействия — нормализации насилия, драматизации, романтизации, противопоставления «мы/они» и т. п. На втором этапе эти элементы соотносятся с диспозициями конкретных статей УК РФ (280, 205.2, 207.3, 282, 148 и др.) с учетом объекта посягательства и формы деяния. На третьем — оценивается контекст: статус автора как инфлюенсера, тип площадки, реальный и потенциальный охват, целевая аудитория. На четвертом этапе анализируется способность выявленных высказываний при обычном ходе событий вызвать общественно опасные последствия либо создать реальную угрозу их наступления. Такой поэтапный подход позволяет избежать как «автоматической» криминализации любого резкого высказывания блогера, так и игнорирования очевидно опасных манипулятивных кампаний.

Для судебно-лингвистической экспертизы это означает необходимость более четкой формализации описания манипулятивных приемов. Е. И. Галяшина справедливо отмечает, что эксперт не может ограничиваться ответом «есть призыв/нет призыва»; его задача — представить суду картину коммуникативного события: кто говорит, кому, каким образом, в какой последовательности разворачивается воздействие [8]. В русле этих подходов М. Л. Подкатилина и М. А. Осадчий показывают, что экспертное заключение должно включать, помимо анализа ключевых лексем, описание жанра (стрим, шуточный ролик, песня, «серьезное обращение»), прагматических установок (развлечение, убеждение, мобилизация) и типичных для данного формата манипулятивных механизмов [13; 14; 16]. Для дел с участием инфлюенсеров логично ставить перед экспертом специальные вопросы: какие стратегии речевого воздействия использованы, как они могут восприниматься типичным подписчиком данного блога и усиливают ли они вероятность того, что сообщение будет интерпретировано как призыв, одобрение или оправдание насилия. Это позволяет суду видеть не только «букву» текста, но и структуру влияния.

Для суда принципиально важно, с одной стороны, не подменять собственную оценку умысла и общественной опасности выводами эксперта, а с другой — опираться на экспертное описание манипулятивных стратегий при мотивировке приговора. Российская судебная практика и практика Европейского суда по правам человека наглядно

свидетельствуют об обоих указанных рисках. Европейский суд по правам человека подчеркивает, что ограничение свободы выражения допустимо лишь при наличии серьезной угрозы демократическим ценностям и достаточного обоснования необходимости такого вмешательства. Применение составов «апологии/прославления терроризма» неизбежно сталкивается с проблемой их широты, и потому суды должны тщательно проверять, есть ли в конкретном случае конкурирующий общественный интерес, оправдывающий уголовное вмешательство. Переноса это на российскую почву, можно предложить ориентир: при оценке речевого поведения блогера суд должен прямо отвечать в мотивировке, какова именно манипулятивная стратегия автора, на какой объект она посягает и в чем конкретно состоит реальная угроза, выходящая за пределы «оскорбительности» или непопулярности мнения.

Предложенные критерии могут использоваться и в нормотворческой, и в правоприменительной политике. Европейский опыт показывает, что чрезмерно широкие и неопределенные формулировки составов, связанных с «поощрением» или «оправданием» терроризма, создают устойчивый риск злоупотреблений, когда под антитеррористическую риторику подводится преследование журналистов, правозащитников и академического сообщества. Такие акты, как Директива Европейского Парламента и Совета Европейского Союза 2017/541 о противодействии терроризму, прямо подчеркивают необходимость соразмерности и недопустимость криминализации «радикальных, полемических или спорных» высказываний, если они не создают реальной угрозы совершения террористических преступлений. Для российской практики это означает, что при дальнейшем развитии регулирования публичной коммуникации разумно ориентироваться на две «точки равновесия»: с одной стороны, обеспечить действенную защиту общества от действительно опасных манипулятивных кампаний лидеров общественного мнения, а с другой — встроить в законодательство и судебную практику гарантии против чрезмерной криминализации острой критики, сатиры и неудобных для власти позиций. В противном случае сама категория «манипулятивных стратегий» рискует превратиться в универсальный ярлык для политически нежелательной речи.

Заключение

Проведенный анализ позволяет утверждать, что манипулятивные речевые стратегии лидеров общественного мнения нельзя рассматривать как «декоративный» слой поверх нейтрального высказывания. И в лингвистической, и в юридической плоскости они формируют способ конструирования реальности для аудитории, задают рамки того, что кажется нормальным, допустимым, неизбежным или, напротив, недопустимым. Исследования политического и медиадискурса убедительно показывают, что современные формы публичной коммуникации — от речи политиков до материалов СМИ и блогосферы — системно используют стратегии драматизации, нормализации, демонизации и персонализации. В условиях цифровой среды эти приемы становятся особенно эффективными: инфлюенсер выстраивает с аудиторией доверительные отношения, а значит, его интерпретации событий воспринимаются не как внешняя «пропаганда», а как естественное продолжение повседневного общения. Для уголовного права это означает, что игнорирование манипулятивного измерения речи фактически ведет к недооценке общественной опасности ряда вербальных деяний, прежде всего в сфере экстремизма, терроризма, межнациональной и религиозной розни.

С другой стороны, простое расширение уголовно-правовой ответственности за счет расплывчатой апелляции к «опасной манипуляции» создает встречный риск: криминализации резкой критики, сатиры, художественной провокации, то есть именно

тех форм выражения, которые, согласно подходу Европейского суда по правам человека, составляют ядро свободы слова в демократическом обществе. Российская практика по делам блогеров — от перформативной провокации Соколовского до сатирического высказывания Хованского и противопоставления «правды снизу» официальной информации в кейсах о «фейках» — демонстрирует, насколько тонка граница между допустимым и уголовно наказуемым речевым действием. В отсутствие четких доктринальных ориентиров манипулятивные стратегии легко превращаются либо в аргумент «в пользу» любой инкриминации, либо, напротив, остаются вообще вне поля зрения суда как якобы «психология», не имеющая отношения к составу преступления. В результате страдает и правовая определенность, и предсказуемость для самих коммуникаторов.

Предложенная в работе трехуровневая модель — содержательно-диспозитивный, контекстно-коммуникативный и последственно-оценочный уровни — позволяет встроить понятие манипулятивной стратегии в классическую конструкцию состава преступления.

С практической точки зрения это требует более тесного взаимодействия уголовно-правовой доктрины и судебного речеведения. Эксперт должен не подменять суд, а переводить сложные речевые явления — скрытые призывы, апологию насилия, нормализацию вражды — на язык, пригодный для квалификации по конкретным статьям УК РФ. Следствие и суд, в свою очередь, должны не ограничиваться констатацией отдельных «опасных» фраз, а анализировать целостную манипулятивную стратегию инфлюенсера: последовательность высказываний, работу с образами «своих» и «чужих», использование игровой или сатирической рамки, обрамляющей насилие или вражду. Такой подход позволяет, с одной стороны, точнее выявлять действительно опасные речевые кампании, а с другой — обосновывать отказ от уголовного вмешательства там, где речь идет о резкой, провокативной, но не посягающей на охраняемые уголовным законом объекты коммуникации.

В итоге манипулятивные речевые стратегии лидеров общественного мнения оказываются не внешним сюжетом, а одной из ключевых «скреп» состава вербального преступления. Они участвуют в формировании объекта посягательства (через трансформацию представлений о допустимости насилия и вражды), конкретизируют объективную сторону (через выбор жанра, формата, адресата и приемов воздействия), влияют на характеристику субъекта (через осведомленность инфлюенсера о масштабах своего влияния) и помогают раскрыть субъективную сторону (через реконструкцию направленности умысла). Уголовно-правовая оценка таких стратегий, построенная на предложенных критериях и сопоставленная с международными стандартами защиты свободы выражения, позволяет одновременно усилить защиту общества от действительно опасных форм речевого влияния и снизить риск произвольной криминализации «неудобного» слова. В этом видится основной вклад данной статьи: она предлагает рассматривать манипулятивное речевое поведение инфлюенсеров не как побочный эффект цифровой эпохи, а как самостоятельный объект системного уголовно-правового и юрислингвистического анализа, требующий дальнейшей доктринальной разработки и аккуратного нормативного закрепления.

Библиография

1. Паршина О. Н. Тактики и приемы манипулирования в речевом поведении Российских политиков // Вестник Астраханского государственного технического университета. 2004. № 3. С. 291-296. EDN: JVWCZZ.
2. Недзельская А. Б., Борискина О. О. Манипулятивные стратегии в англоязычном

- медиапространстве // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. № 2. С. 73-82. DOI: 10.17308/lic.2021.2/3417. EDN: GHFJXQ.
3. Сальникова Н. В., Магомедова Д. Ш. Речевые стратегии манипулирования сознанием в СМИ // Международный научно-исследовательский журнал. 2016. № 6-4. С. 61-64. DOI: 10.18454/IRJ.2016.48.100. EDN: WBLVWR.
4. Ефанов А. А. Инфлюенсер как особый тип лидера общественного мнения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2022. Т. 27. № 4. С. 767-774. DOI: 10.22363/2312-9220-2022-27-4-767-774. EDN: DVDIMG.
5. Соловьева М. В. Блогосфера как новый канал массовой коммуникации: роль инфлюенсеров и их влияние на общественное мнение // Universum: психология и образование. 2024. № 10. С. 48-57. EDN: LXHXPV.
6. Рылова Е. В. Категории вербальных преступлений в УК РФ // Юрислингвистика. 2014. № 3. С. 10-25. EDN: WCMFTJ.
7. Макашова В. В. Речевое действие как правонарушение: монография. М., 2014. 227 с. EDN: OBGGWA.
8. Галяшина Е. И. Судебное речеведение. М., 2020. 320 с. EDN: NLRDPS.
9. Красовская Н. Р. Технологии манипуляции общественным мнением на примере информационной войны против бывшего президента США Дональда Трампа // Философия и культура информационного общества: сборник тезисов конференции. СПб., 2022. С. 32-37. EDN: RUUPZI.
10. Парасуцкая М. И. Проблема юридизации речевой манипуляции и суггестии // Мир науки, культуры, образования. 2009. № 6. С. 69-70. EDN: KZZVTT.
11. Баканов Р. П., Нурутдинова К. А. Приемы манипулирования общественным мнением при освещении политических событий радиостанциями России и Германии // Неофилология. 2023. Т. 9. № 4. С. 914-930. DOI: 10.20310/2587-6953-2023-9-4-914-930. EDN: FXTCMS.
12. Гогин А. А., Репетева О. Е. Вербальные правонарушения: понятие, сущность, виды: электронное учебное пособие. Тольятти, 2017.
13. Осадчий М. А. Судебно-лингвистическая параметризация вербальной угрозы // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 6. EDN: TODRLP.
14. Осадчий М. А. Управление правовыми рисками в публичной коммуникации // Фундаментальные исследования. 2013. № 10-3. С. 679-683. EDN: RANCCF.
15. Никишин В. Д. Криминогенная речевая агрессия в аспекте судебной экспертизы материалов экстремистско-террористической направленности // Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского. 2019. № 3. С. 108-113. EDN: IZXAED.
16. Подкатилина М. Л. Судебная лингвистическая экспертиза экстремистских материалов: теоретические и методические аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. 222 с. EDN: TMUFDZ.
17. Кара-Мурза Е. С. Лингвистическая экспертиза информационного обеспечения выборов (на материале президентской кампании 2018 г.) // Медиалингвистика. 2019. Т. 6. № 2. С. 148-163. DOI: 10.21638/spbu22.2019.201. EDN: RBXNJO.
18. Sobol I. Glorification of Terrorist Violence at the European Court of Human Rights // Human Rights Law Review. 2024. Vol. 24. № 3. DOI: 10.1093/hrlr/ngae017. EDN: VIWHCS.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не

раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования как следует из названия научной статьи, составляют манипулятивные речевые стратегии лидеров общественного мнения в структуре состава вербальных преступлений. Обозначая границы предмета исследования, автор справедливо отмечает, что на сегодняшний день наряду со СМИ формируют общественную информационную повестку и способы ее «прочтения» так называемые блогеры, стримеры, администраторы телеграм-каналов. По сути, на современном историческом этапе, они становятся лидерами общественного мнения. Тем не менее, их деятельность и речевые стратегии не всегда носят законный характер, что выражается, в том числе в их совершении вербальных преступлений. Анализ рецензируемой научной статьи говорит о том, что автор четко сформулировал предмет исследования, а затем раскрыл его по тексту.

Методология исследования в тексте научной статьи автором не указывается и не раскрывается.

Актуальность заявленной автором тематики не вызывает сомнений

и представляется весьма высокой. В первую очередь актуальность темы обусловлена переходом от «традиционного» общества к «информационному», что сказывается на общественной опасности вербальных преступлений. В связи с изложенным, на сегодняшний день остро стоит необходимость выявления и предотвращения скрытых угроз в информационном пространстве, защите граждан от речевой агрессии. Тем не менее, не всегда удается достичь указанной цели. В обосновании актуальности темы научной статьи автор пытается указать на наличие грани между допустимыми речевыми стратегиями лидеров общественного мнения и их действиями, попадающими в сферу уголовно наказуемого деяния. В связи с этим автор заявляет о необходимости достижения цели научной статьи – показать, что без учета манипулятивных стратегий невозможно в полной мере оценить общественную опасность действий, охарактеризовать субъективную сторону деяния, а также в целом сформировать подход к уголовно-правовой оценке указанных стратегий в структуре состава преступления.

Научная новизна статьи заключается в обоснованной и сформулированной автором концепции «встраивания» манипулятивных речевых стратегий лидеров общественного мнения в структуру состава вербальных преступлений. Критерию научной новизны статьи отвечает разработанная автором трехуровневая модель (содержательно-диспозитивный, контекстно-коммуникативный и последственно-оценочный), позволяющая «вписать» понятие манипулятивной стратегии в классическую конструкцию состава преступления. В научной статье автор демонстрирует и раскрывает общественную опасность ряда вербальных деяний в сфере экстремизма, терроризма, межнациональной и религиозной розни приводя конкретные примеры из судебной практики. В целом по тексту научной статьи автор связывает понятие и содержание манипулятивных речевых стратегий лидеров общественного мнения (драматизации, нормализации, демонизации и персонализации) с составом вербальных преступлений. Анализ представленной на рецензирование статьи позволяет говорить о высокой степени ее научной новизны, а также достижении поставленной автором цели.

Стиль, структура, содержание. Стиль изложения текста в статье научный. Мнения ученых и их теоретические подходы автор по тексту дополняет собственными выводами, а также приводит примеры из судебной практики. Структура статьи помимо введения и заключения включает основной раздел, предусматривающий в своем содержании, пять самостоятельных частей. Разделение основного текста научной статьи на самостоятельные разделы позволило автору наиболее эффективно и полно раскрыть

заявленную тематику. Содержание статьи соответствует обозначенной теме. Объем научной статьи представляется достаточным.

Библиография представлена 18 источниками большинство, из которых носят фундаментальный характер по рассматриваемой теме. Один из источников приводимых автором статьи в библиографии, а также использованный им при ее написании изложен на иностранном языке.

В целом оформление библиографии и ее содержание соответствуют необходимым требованиям.

Апелляция к оппонентам в статье довольно ярко выражена. Автор по тексту статьи приводит мнения ученых по исследуемой теме, анализирует их, высказывает собственную позицию, вступает в научную дискуссию, формулирует выводы.

Интерес к представленной статье может быть проявлен со стороны широкого круга читательской аудитории, в том числе ученых в области уголовного права и криминологии.

Выводы. Представленная на рецензирование научная статья может быть рекомендована к опубликованию в журнале «Административное и муниципальное право».